

[Polaris]

КОМЕТА

БЕЛЫ

Сборник

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXLVII

Salamandra P.V.V.

КОМЕТА БЕЛЫ

Сборник

Salamandra P.V.V.

Комета Белы: Сборник. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 50 с. (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXLVII).

Сборник, название которого повторяет заглавие альманаха 1833 г., включает два фантастических произведения, навеянных страхами «светопрествления» и гибели Земли в результате столкновения с кометой Биэлы. Это — «Комета 1832 года. Отрывок из неизданного романа, основанный на астрономических наблюдениях» И. Гурьянова и «Галлеева комета» М. Погодина. Оба произведения с XIX в. не переиздавались.

КОМЕТА 1832 ГОДА

Отрывок из неизданного романа,
основанный на астрономических наблюдениях

КОМЕТА

1852 ГОДА.

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ НЕИЗДАННАГО РОМАНА ,

О С Н О В А Н Н Ы Й

Н А

АСТРОНОМИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЯХЪ.

Иваномъ Гурьяновымъ.

*Нысть ваша разумна время и
лѣта, еже положи Отецъ во своей
власти.*

Апост. Дѣян. гл. 2. сн. 6.

М О С К В А.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВЫХЪ

ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

mm

1852.

КОМЕТА 1832 ГОДА.

— «Итак, Мать моя, Надежда Антипьевна, ей ей так! последние веки настали!

— «Ох, Сватьяюшка, Анисья Мироновна, согрешили мы бедные, да и как нас не наказывать Богу. Ведь посмотри-ка, что делается на белом свете! Ужась вспомнить.»

— «И конечно, Мать моя, весь свет пошел вверх дном. Куда ни посмотришь, везде курицу яицы учат; где не слушаешь, везде суды — да пересуды, ну — где уж тут ждать доброго.»

«И правда, Сватьяюшка, правда. Вот, недалеко сказать, моя родная племяненка давно ли вышла замуж, а уж на меня и не смотрит. Я, как бы поучить ее жить постепеннее, по нашему, а она свое твердит: ездит по балам, по театрам, да и только.»

«Ну ужь, Мать моя, что ныне за балы их, прости Господи согрешение, одно скоморничество! Бывало в старые годы, помнишь, как мы с тобою были еще молоды, съедемся на вечеринку или на именины, так все барыни и барышни сидит чинно, смирно, с мужчинами-то и не говорить, а ужь если когда и потчует хозяйка, так уйдем в другую комнату или в уголок, чтобы не видали люди, да там и... а нынче так ужь

совсем стыда не стало в людях. Так как же нас Богу-то миловать!»

«Правда, Сватьяшка, правда! Да это еще и туда и сюда, а посмотрит-ка ныне, что делается с молодежью. Вот, не в суд будь сказано, наша общая знакомая, Матрена Евлампьевна *Силиха*, слышала ли ты, Анисья Мироновна, что с нею случилось?»

— «Слышала, Матушка, слышала вчера у обедни от соседки, да и по делам ей, Матушка. Ну, к чему пристало так воспитывать дочку? Французов, да Немцов набрала полон двор, а все дискать *Евгеишины* учителя, каждую неделю два танцевальных вечера, да и Бог весть что? молодежи тьма тмущая, так как можно усмотреть за девкой. Вот и вышло уже по пословице: учили, учили, да на свою шею и выучили.»

«Ну ужь не я мать, а то бы я дала ей знать себя. — Да с кем, слышно, бежала она, Надежда Антипьевна?»

«Бог весть, Матушка! Одни говорят — с каким-то Офицером, а другие — с учителем ее, Французом.»

«Ну так вот, Мать моя, как же нас Богу миловать. Ох, не знаю, что и делать, как грехи замолить.»

«Да не ужь-то, в самом деле, Надежда Антипьевна, скоро света-преставление будет?»

«И! да как же неправда. Ведь все гово-

рят, что в нынешнем году непременно явится какая-то комета с предлинным, сажени в полторы, хвостом. Хвост же этот заденет за наш белый свет, да и опрокинет его вверх дном.»

«Господи, прости наше согрешение! Да это беда неминуемая! Нет! я ни за что не останусь в городе, поеду с моим *Панкратьем Силычем* в нашу деревню и весь этот год проведу там; не поеду и в Москву на зиму.»

«Что ты, Мать моя, да если комета заденет за нашу землю, так не устоять и твоей деревнишке.»

«Все ужь, Матушка Надежда Антипьевна, там не так опасно, как здесь в городе; здесь камнями задавит. А от кого вы это слышали?»

«Как от кого ? Да все говорят об этом; куда ни поедешь, как в набат бьют о комете; она должна скоро явиться. Княжна Пелагея Никитишна ужь получила из Москвы и письма об ея явлении.»

«Как ужь и Письма получены об этом? Да разве, Матушка Надежда Антипьевна, комета-то прежде придет в Москву, а потом ужь к нам?»

«Ну ужь этого, Матушка Анисья Мионовна, не могу тебе сказать, а знаю только, что Княжна Пелагея Никитишна всю дворню свою распустила ужь на волю.»

«Как! всю дворню свою на волю?»

»Да, Матушка, и сама в монастырь хочет идти.»

«Ахти, Надежда Антипьевна! да что же это будет! Уж не съездить ли мне поскорее в Москву, да не взять ли там из Воспитательного Дома моего капитала? Неровен случай, матушка Москва-то провалится, а нас, можешь быть, Бог и помилует.»

«И конечно, Мать моя, да не ужто сожитель твой, *Панкратий Силыч*, ничего не говорил тебе об этом?»

«И! Надежда Антипьевна, не ужто вы не знаете моего антика? Он, правда, и говорил мне об этом, и сам потрушивает до того, что не пускает к себе уже и с *приносами*, и хотел было сказаться больным и не ходить в суд. Да вы знаете нашего Фармазона соседа? Муж любит этого морскова чуелу, Бог весть, за что, и слушает его больше меня.»

«Ну ужь, Матушка Анисья Мироновна, признаться тебе, и у меня не лежит к нему сердце. Он какой-то дикарь, слова путнаго со мною не скажет; начнешь с ним об чем-нибудь говорить, так всегда отвечает так коротко, что не к чему и привязаться ; а заговори при нем про какия-нибудь новости, так куда, Матушка, так и замечет словами: у него все пустяки, все наши выдумки, все наши сплетни, а сам как заврет, так

все молчи. Не верит ни чертям, ни дьяволам, смеется над мертвецами, а нашего Алешу дурачка, говорит, надобно батогами высечь. Право, Матушка, страшно и быть с ним вместе. Часто ходит он и к моему муженьку, да нет! у меня его не собьет он с своим фармазонством; я не ты, Матушка, на своем поставлю.»

«И! Матушка Надежда Антипьевна, что и говорить об нем. С ним и наш *Сидор Пафнутыч* не сговорит, а ужь, на что, кажется голова, 7-мь лет служит в Губернском Правлении Секретарем, да вот ужь здесь 9-ть лет Стряпчим.»

«Знаю, Мать моя, он мне кум.»

«Ахти! а я и забыла, что вы с ним крестили у нашего канцеляриста *Буянова*. Ну ужь, Мать моя, вот ужь прямо человек, как заговорить, так слушай.»

Так разговаривала Надежда Антипьевна, супруга Судьи Уездного Суда Петра Панфиловича *Крохобралова*, в гостиной своего маленького домика, купленного мужем ея с аукциона — как водится — за дешевую цену, с подругою своей молодости, Анисьею Мироновною, супругою Исправника *Панкратия Сильча Столбнякова*, приехавшею к ней на вечер в гости. — По обыкновению, их разговор начался о погоде, потом о городских новостях, и наконец

коснулся важного предмета — Кометы, о явлении которой говорено было уже во всех концах небольшого уездного городка К***.

Разговор *Крохобралихи* и *Столбнячихи* прерван был приходом мужчины в поношенном, темнокоришневом сюртуке. Голова сего гостя, несколько уже лет лишенная волос на передней части своей, могла бы быть прекрасным образцом для Гогарда, если бы судьба привела ему жить в его время; фиолетовый нос его, раздувшийся от излишнего употребления горячих напитков торчал между двух больших серых глаз и опухлых синебагровых щек; толстые большие губы плотно закрывали длинные его зубы, нередко выказывавшиеся при улыбке. Это был *Сидор Пафнутыч Вестовщиков*, Уездный Стряпчий.

Барыни-приятельницы обрадовались приходу гостя, который был им на руку, который знал все, что делается, не только в их маленьком городке, но даже и в Губернии, который выписывал газеты и не уступал в словоохотливости лучшим и деятельнейшим болтуням обеих столиц наших. *Вестовщиков*, не смотря на свои пятьдесят лет, старался, будучи в обществе при дамах, казаться самым вежливым кавалером, старался даже любезничать; за что барыни, барышни и самые старушки люби-

ли его до безумия, а мужчины, если и не любили его, то по крайней мере не ненавидели, потому что не смели питать к нему сего чувства, страшась своих сожителей, которые в таком случае не преминули бы дорого заплатить за обиду своего любимца.

«Ах! как кстати, Сидор Пафнutyч!» — вскричала Надежда Антипьевна, вставши с огромных, дубовых своих кресел.

Вестовщиков едва только перевалился за порог, как шаркнул два раза ногою и тоненьким голоском своим начал было приветствие, но шарканье его и незнакомый голос разбудили старого мопса и двух Болонских собачек, дотоле покойно спавших на канаве.

С лаем и визгом бросились они под ноги приятному гостю и, если бы почтенная хозяйка, Надежда Антипьевна, не закричала на них, то верно вцепились бы оне в длинные полы сюртука Сидора Пафнutyча, а может быть досталось бы и самым икрам его, прикрытым шелковыми чулками, в половину выказывавшихся из за верхушки сапогов, с желтыми отворотами.

Хозяйка закричала; — лай унялся; *Мопс*, поджав хвост, вспрыгнул снова на канаве. *Мими* и *Фиделька* убежали под кресла своей строгой хозяйки и — благословенная тиши-

на водворилась в гостиной.

«Помилуйте, Надежда Антипьевна, ваши Фавориты чуть-чуть было не съели меня» — сказал *Вестовщиков*, подходя к руке хозяйки и ее приятельницы. — «Божусь Богом, я так испугался, как бы меня вели в Уголовную для допроса.»

«Прошу, Сидор Пафнутьич, садиться и извинить меня. Что делать, Батюшка, всякой человек имеет свои слабости, и я также. Я люблю собаченок моих право лучше всей нашей дворни. Извините.»

«Ничего, Сударыня — подхватил *Вестовщиков* — ничего; я, признаюсь вам, собак не боюсь, а сказал это так к слову.»

«Откуда, Батюшка?» — спросила Анилья Мионовна.

«Да вместе с Петром Панфиловичем и вашим супругом заходили из Суда к Городничему, потолковали у него о новых новостях, поспорили и, по приглашению сожителя вашего, Надежда Антипьевна, шли сюда обедать, а поелику предметом нашего разговора была комета, то разумеется, было, по нынешнему модному маловерию, не без спору. Господа, не утверждаясь ни на словах моих, ни даже на ясных доводах, которые я, благодаря моей памяти, так хорошо упомяну, зашли пригласить нашего разумника, *Петра Петровича Якорева*. Ну, конечно, Сударыня, я не

могу переспорить этого ученаго моряка, который — как говорят — на кораблях и на тот свет ездил, однакожь... однакожь о том, что я, по силе разума моего, знаю, и о чем гласит глас народа, я готов спорить со всяким. Пусть себе *Петр Петрович* знает звездосчетство, а я ему не уступлю.»

«И конечно, Батюшка — подхватила Надежда Антипьевна — что вам уступать. Вы сами человек умной.»

«Покорно благодарю, Сударыня, за честь!» — отвечал с ужимкою *Сидор Пафнутьич*.

«Да разве, Батюшка, еще что получено о Комете?» спросила хозяйка.

«Ничего-с, так-с... право ничего с!» — говорил Вестовщиков с таинственным видом.

Барыня тотчас заметила, что тут что-нибудь кроется, и с нетерпением убедительно просила словоохотливого Стряпчего рассказать им, что еще слышно о Комете.

«Вот видите, Сударыня, до сих пор, не смотря на глас народный, Комета, имеющая явиться в нынешнем году, еще не очень страшна была, потому что не знали ей ни меры, ни весу. — Я — как вы знаете — пустаго болтать не люблю, и ничему, кроме печатного, не верю, тотчас написал в Губернию к благотворителю моему, бывшему Прокурору: он человек умный. Еще при

блаженной памяти покойной Императрице Екатерине кончил он курс Риторики в Московской Семинарии, вышел в статскую и дослужился до Прокурорства; и так, Сударыня, я просил его, чтоб он благоволил меня уведомить, скоро ли будет преставление света, и кто заденет за кого, земля ли наша за хвост Кометы, или Комета за наш белый свет?

«Ну, чтож, Батюшка Сидор Пафнутьич, и вы верно получили ответ?» — спросила скоро *Анисья Мироновна*. «Скажи, Родной, что писал тебе твой благодетель? Ужь верно что-нибудь страшное?»

Чтож, Сударыня — отвечал Вестовщиков — утаить грех, а больно страшно: пришло время подумать и о душе.

«Да разве Батюшка *Сидор Пафнутьич* — прервала побледнев Надежда Антипьевна — «Прокурор ваш знает будущее?»

«И конечно, Сударыня. Он прислал мне верную выписку из печатной книги; там точно и точно означено, что Комета ударится об нашу землю, а, может быть, и затопит ее в море.»

«Ах, Господи! вскричала Надежда Антипьевна — да не ужели ужь не лъзя найти никакого средства спастись? Разве не лъзя как-нибудь ухитриться, чтобы или землю отодвинуть дальше, или ужь эту Комету оттолкнуть в сторону. Ведь это, кажется,

можно. Народ ныне мудреной, и по воздуху в шарах летает, так как бы этого не придумать, а не то бы выписать какого-нибудь иноземца-фокусника, да заплатить ему что надобно, ужь я бы и с моей стороны дала что-нибудь. Ну, другой даст и больше меня, так и много бы можно было набрать для него денег.»

»То-то, Матушка Надежда Антипьевна, — возразил Вестовщиков — благодетель мой пишет, что наверное будет собран совет, в котором будут придумывать, чтобы легче было землю ли отвести прочь, или ужь Комету оттолкнуть от земли.»

«А велика ли, Батюшка, будет эта Комета?» спросила Анисья Мироновна.

«Мне не пишут точно, как велика она, а намекают, что она больше всей вселенной.»

«Откуда же она поднимется? Ужь не из Китая ли?»

«Нет-с, Сударыня, из-за моря...»

В сию минуту дверь отворилась, и почтенный Судья, *Петр Панфилович*, в сопровождении Исправника и *Петра Петровича Якорева*, уволенного за ранами, морской службы Лейтенанта, вошли в комнату.

Вестовщиков прикусил язык и встал с своего места. Барыни косо посмотрели на моряка.

После первых обыкновенных приветствий, гостеприимный хозяин приказал накрывать на стол и подавать между тем водку. Престарелый лакей, с небритою бородою, в изорванном синем сюртуке и в сапогах с заплатами, принес водку и уставил стол закусками разного рода. Гости и хозяин долго не чикались; тотчас выпили по рюмке, закусили, потом по другой, и начали следующий разговор.

«Не правду ли я говорил тебе, брат, *Сидор Пафнутьич*, что ты все вздор городишь?» — сказал Исправник с улыбкою, обратясь к Вестовщикову.

«Как не правду? Помилуйте, Панкратий Силыч, да ведь вот мне что пишут из Губернии.»

«Верю, что пишут, да не верю, что написано. Сядемте-ка, *Петр Петрович*, да разрешите, прошу вас, наше недоумение. *Сидор Пафнутьич* сбил нас с толку с его Кометою.»

«Как же могу я разрешить ваше сомнение, и приятель ваш и я имеем равное право объявлять наше мнение! — отвечал моряк.»

«Оно так, Батюшка Петр Петрович — да вот что: покойный мой родитель сам служил на море и — помню — говаривал, что кто служивал в морской службе, тот должен непременно знать Астрологию.»

«Может быть Астрономию? — Он прав в этом.»

«Да! ну да ведь Астрология или Астрономия — это все равно, все звездочетство.

«Как — подхватил *Вестовщиков* — да разве можно сочесть все звезды? Это дело невозможное!»

«Ваша правда — отвечал моряк — всех звезд счесть не лъзя, но как они все разделены на созвездия, то есть: на разнообразные группы, то и можно знать число, по крайней мере, главных из них.»

«Главных, Отец мой! А эти что с хвостами-то?»

«Это Кометы.»

«Как же, *Петр Петрович*, — спросил Вестовщиков, — так не ужели полагаете вы, что в сем 1832 году Комета не опрокинет нашего белого света?»

«Точно нет!»

«Хе! хе! хе!» возразил Вестовщиков. Прощу покорнейше прислушать, Господа.»

Тут вынул он из кармана присланную ему выписку из Губернского города.

«Прощу прислушать, Господа. Вот что ко мне пишут, и это все слово в слово с печатного.» — Начинает читать.

«Уверившись в несбыточности происшествий, которых страшились при появлении комет, начали думать, чтобы из многочисленного их сонмища, носящегося по

всем направлениям в планетной системе, какая-нибудь не налетела вдруг на землю и ее не разрушила. Ученые не совершенно свободны от наших опасений. Ньютон старался предупредить их, доказывая, что Орбиты всех до него известных комет так расположены, что невозможно быть встречи, от которой могли бы произойти такие ужасные последствия. Лаланд, соглашаясь на справедливость сего положения, рассмотрел поверхностно вопрос, не могут ли от пертурбаций измениться углы и наклоны так, чтобы комета при своем возвращении встретила на пути с землею. Он принял то за возможное, и от одного объявления о его сочинении, в коем он означал те из наблюдаемых комет, которые могут наиболее приблизиться к земле, в 1773 году величайший ужас объял Париж и оттуда распространился на всю Францию. И так справедливо, что все несчастья, соединяющиеся с невежеством и слабостию человека, готовы мгновенно возникнуть, как только потухнет светильник наук!»

«Сей страх, кажется, извинителен, когда воображение на минуту останавливается на следствиях, могущих произойти от такой ужасной встречи. Изменение оси и вращательного движения, перемещение морей, устремившихся к новому Экватору; гибель большей части людей и живот-

ных, потонувших при сем всемирном наводнении, или истребленных от сильного удара, сообщенного земному шару; уничтожение целых поколений народов; ниспровержение памятников человеческой образованности, — вот несчастья, которые должны произойти от удара кометы, если ее масса будет значительна в сравнении земной. Здесь обнаруживается, от чего Океан покрывал некогда высокие горы, на которых оставил неизгладимые следы своего пребывания; открывается, каким образом животные и растения южные могли существовать в северных климатах, где находят их остатки и напечатления; наконец объясняется новость мира нравственного, которого верные памятники не восходят далее пяти тысяч лет. Род человеческий, приведенный к малому числу людей, в самом жалком состоянии, принужденных заботиться долгое время только о своем сохранении, должен был оставить в совершенном забвении науки и искусства (*)...

— «Знаю, знаю — возразил Петр Петрович — это нелепое мнение Лаланда было невинною причиною общего ужаса, объявшаго народ в 1773 году; но следует

* Syst. du monde — См. Моск. Вестн. 1797 года, ч. IV, стр. 172 и далее.

заметить в свидетельство благого влияния наук на общества, что кометы, разделявшие прежде с затмениями право ужасать людей, возбуждают только в них любопытство и внимательность с того времени, как предоставили Астрономам заниматься их историею и их описанием.»

«Во времена невежества не представлялась мысль, что Природа повинуетя законам непреклонным. Тогда причинам конечным и случаю приписывали явления, стройно текущая, а на те, которые казались противными естественному порядку, смотрели как на знаки небесного гнева; но сии мнимые ужасы мало по малу рассеялись при возстающих успехах просвещения. С затмениями свыклись с тех пор, как увидели, с какою верностию их предугадывают, и также начинают смотреть без удивления на кометы, с того времени, как Астрономы открывают их такое множество, и как успели до того, что весьма скоро предсказывают их наружность и путь, по которому будут идти в видимой части неба, не проходит почти года без открытий новых; но оне, большею частию, так не замечательны, что не привлекают общего, значительного внимания.»

«И этому верю, Батюшка Петр Петрович. Да от чего же все говорят одно и то же. А ведь люди не скажут пустого, прервал

Сидор Пафнутьич.»

»А вот — послушайте: «Комета которая должна явиться в 1832 году, совершенно вычислена во Франции одним из первых Астрономов, по имени *Дюмуазо*. Она, в сем году, в самом ближайшем разстоянии от земли будет находиться от нее более, нежели на 16 миллионов миль; если бы она и в тысячу раз ближе подошла, то опасаться было бы нечего. В 1770 одна комета отстояла не более как на 750,000 миль (почти в 7-мь раз ближе луны); Лаланд же полагает в 5,000 миль разстояние, на котором комета может произвести чувствительныя перемены на земле.

Ньютон, говоря о следствиях встречи кометы с землею, сказал, что Провидение так все расположило, что невозможно им оттолкнуться.

Лаланд не соглашается на это мнение. Правда, не было известно ни одной орбиты, которая встречалась бы с землею; но планетныя тяготения могут однако чувствительно изменять орбиты. Притом пути комет были совсем почти неизвестны; не должно ли же почестъ дерзким предложение, что ни одна из орбит, еще не определенных, не встречается с орбитой земною, и что из числа известных никогда столько не изменится, чтобы наконец пересекла земную? Все сии замечания Лаланда были

очень справедливы, время подтвердило их; ибо орбита нашей кометы, 6-ти лет и $\frac{3}{4}$, так близко идет к земной, что *малая пертурбация* может заставить их пересечься. Но чтобы случился важный переворот, недостаточно того, чтобы встретились орбиты; надобно еще, чтоб оба тела в одно время сошлись в точку пересечения, и весьма вероятно, что этого не будет. Ужас, навешенный мнимым предсказанием, всюду распространился, так что начальник Полиции потребовал, чтобы дали ему прочесть Разсуждение, которое будучи представлено Лаландом для публичного разсмотрения Академии, по недостатку времени не было прочтено в сие заседание и, не найдя ничего, чтобы могло причинить такие опасения, велел его немедленно напечатать. Те же, или подобныя сему, опасения возобновлялись в разныя другия времена, но гораздо слабее, и всегда приписывали честь этого *Лаланду*, который и не говорил о том ни слова. Теперь кометы не составляют такого общего предмета для ужаса. По мере того, как народ просвещается, менее опасными становятся всякого рода предубеждения. Соединения планет, наводящая прежде гораздо больший еще ужас; — затмения, так долго разделявшие с кометами право устрашать народы мира, найдены неспособными произ-

водить те действия, которыя им приписывались. Из всех сих ужасов, остается для комет только возможность встретиться с землею, так мало правдоподобная, что никакой благоразумный человек не может на сей счет быть не покоен. Сверх сего, относительно комет, не лъзя оставить без замечания еще и того, что новые выводы об их устройении весьма изменяют понятия, которыя обыкновенно составляли последствия удара их об землю. Действительно, сии светила, плотность коих полагали прежде в несколько тысяч раз более земной, составлены вообще из веществ столь легких, что можно видеть сквозь них звезды первой и второй величины (*). Быстрота движения комет есть также обстоятельство, могущее успокоить нас на счет несчастий, которыя бы могли причинить оне; ибо из нея следует, что время, в продолжение котораго комета может на нас действовать, весьма коротко, и не может протираться, как доказал *Дионисий Дюсежур*, более двух или трех часов (**)!»

Петр Петрович Яковлев кончил; *Вес-*

* Звезды разделяются на 9-ть величин.

** Разсуждение сие заимствовано из статьи о комете 1832 года, помещенной в Моск. Вестн. 1828 года, ч. 10, стр. 98 и далее.

товщиков и бледнел и краснел, не имея в голове своей никакой мысли к возражению.

«Что скажешь, *Сидор Пафнутыч*?» спросил с усмешкою Исправник.

«Ничего-с, ей ничего-с!» отвечал Вестовщиков. — «Я Астрологии не учился, и с Петром Петровичем сговорить не могу».

«Ну, Матушка Анисья Мироновна, вот ты всегда меня бранишь, что я не верю Сидору Пафнутычу. Как же теперь ты прикажешь верить?» сказал, захохотав, Исправник.

У Анисьи Мироновны вспыхнули щеки. «Что не говорите, батюшка *Панкратий Силыч*, а я все таки скажу свою, что комета точно заденет белой свет наш хвостом своим и опрокинет вверх дном, или закинет за море.»

«Помилуйте, Сударыня — возразил моряк — да хвост кометы состоит не из плотного тела, а из одних паров, освещаемых солнцем, сквозь которые можно видеть звезды.»

«Говорите что хотите» — сказала с сердцем, поправляя свой чепчик, Надежда Антипьевна, — а я никогда звезд не видала.»

«Это потому, что вы не смотрели!» сказал моряк.

«Как, Батюшка, не смотрела, неужто я

дура или слепая. Да, вот, недавно, ехавши с вечеринки от Городничаго, я видела звезды, и вашим словам не поверю, потому что еслиб это была неправда, то Княжна Пелагея Никитишна не отпустила бы всей своей дворни на волю; а уж если она отпустила, так наверно света преставленье скоро будет.»

«Для чего же, и вы, Сударыня, не отпустите своей дворни?» спросил с улыбкою моряк.

«Я, Батюшка, успею и тогда отпустить, как земля будешь валиться, а то мы люди бедные, как отпущу, а на грех земля-то не обвалится, так кто же у меня служить будет?»

Судья, заметя, что разговор становится жарче, и что красные щеки его сожигательницы покрылись от злости белыми пятнами, переменил разговор, приглася снова пить водку и начав похваливать прекрасные огурцы с чесноком, соленные его Надеждою Антипьевною.

Вскоре вошел лакей и доложил Господам, что кушанье подано на стол.

Все поднялись с мест своих и пошли в залу, где за сытным Русским столом и за полными рюмками наливки забыли они и Комету и необдуманый ужас.

КОНЕЦ.

ГАЈЛІЕЕВА КОМЕТА

КОМЕТА БѢЛЫ,

АЛЬМАНАХЪ

НА 1833 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи вдовы П.Пошаръ съ сплномъ.

1833.

ГАЛЛЕЕВА КОМЕТА.

I.

Галлей, Профессор Астрономии в Кембриджском Университете, посвятил всю свою жизнь на изучение премудрых законов мироздания. С самых юных лет он отказался от всех удовольствий, в коих обыкновенные люди ищут своего счастья, от обществ, богатств, почестей, увеселений. Одно было у него наслаждение: уразумевать глубокия мысли своих великих предшественников и открывать по их следам новые виды в любимой науке, проникать дальше и дальше в ея священные таинства. Один, в тишине своей ученой кельи, среди книг и инструментов, или в Университетской аудитории, между внимательными учениками, проводил он спокойные дни свои, удаляясь от всех происков, не принимая участия ни в каких кознях, не получая никаких наград. Только необходимость содержать многочисленное семейство отвлекала его иногда от любимых занятий. Однакож не смотря на такой образ жизни, Галлей, как всякой человек отличный, имел у себя врагов. Один из его то-

варищей не мог например простить ему его дарования, его светлого ума, который ясно различал важное от неважного в науке; другой ненавидел его за то, что без всякой пощады, когда речь была о чести науки и славе Университета, обличал его невежество и упрекал за позор, наносимый им всему почтенному сословию; третий завидовал его ученой славе, превышающей будто бы его достоинства, совсем не чрезвычайныя. Сим враги старались вредить ему всеми силами, и успевали в своем намерении, ибо никто не бывает изобретательнее посредственности в этом отношении: люди, коротко знавшие Галлея, смеялись над обвинениями в вольнодумстве, развращении, возмутительности; но другие, особенно знатные, пред которыми Галлей, чувствуя свое достоинство, и уважая свой высокой сан, вел себя очень гордо, принимали к сведению частые, разнообразные наветы, и Галлей за все свои многолетние труды не только не получал ни какого ободрения, но оставался в толпе, пренебреженный и даже притесняемый. Впрочем он по своему характеру переносил все это терпеливо, отмщал своим гонителям презрением, а чаще сожалением, и сердечно был уверен, что истина рано или поздно, возьмет верх. Эта благодатная уверенность укоренилась в нем еще более, когда, среди глу-

боких своих размышлений, нечаянно, озаренный каким-то небесным лучем, провидел он возможность утвердить строгими математическими доказательствами предположение Ньютона о движении комет, и тем решить важнейшую задачу новой Астрономия. С жаром принялся он за этот труд, коим нанялся утвердить свою славу и посрамить своих врагов. Несколько лет, лучших в жизни, пожертвовал он на тяжелыя исследования: оставлял семейство без внимания, пренебрегал домашними делами, подвергал себя опасности лишиться последних средств к пропитанию под старость, одним словом — исчисляя тысячелетиями и земными осями в безпредельных атмосферах, он не примечал, как тянулось наше скудное время, и не заботился ни мало о тех мелких условиях, кои налагает оно на слабых сынов нашей брэнной планеты. За то труды его увенчались желанным успехом, и он к полному своему удовольствию отыскал наконец законы, по коим кометы совершают свое течение в небесных пространствах. Он приложил потом свои исчисления к некоторым известным кометам, и удостоверился совершенно в истине своих выводов. Но всего сладостнее для Галлея было то что, он, по счастливому стечению обстоятельств, мог предлицем всего ученаго и неучего мира дока-

зять верность своего открытия предсказанием о знаменитой комете 1456 года, проклятой вместе с Турками Папою Калистом, которая по его расчету должна была явиться в следующем 1758 году. Галлей был в упоении счастья: один, из глубины своего презренного уединения, без всякаго постоянного пособия, как бы на зло своим врагам, он производил великий переворот в науке, и вместо суеверного страха возбуждал благоговение в сердцах человеческих к премудрому Мироправителю. Он видел уже себя на верху славы, почестей, богатств: первые чины в государстве приезжают к нему свидетельствовать свое почтение; Король осыпает его своими милостями, он получает все возможные пособия для занятий науками, устремляет на Астрономию все свои силы без рассеяния, нужды, помех, возводит ее на высочайшую степень совершенства, и увлекает за собою целыя поколения.

Среди сих мечтаний Галлей совершенно переменился: из мрачного и спокойного вдруг он сделался шумным и веселым, безпрестанно шутил, смеялся, толковал свое открытие всякому встречному, жене, детям, ученикам, даже врагам, которые приведены были в замешательство ясностью его доказательств. Напрасно некоторые из них предложили было ему свои возраже-

ния; он уверял, что явление кометы не подлежит ни какому сомнению и разослал повсюду свое пророчество, поразившее все Европейские народы, которые доселе почитали кометы внезапными явлениями, знаменами небесного гнева, вне всяких удобопостижимых законов. Каково же было общее удивление, когда они услышали, что сии страшные чуда столь же покорно повинуются простым естественным законам, как и прочие явления в мире! Все с любопытством, сомнением и страхом ожидали назначенного срока. Соотечественники готовились надеть на Галлея венец ученой славы. Он считал часы, дни и месяцы....

На конец наступает 1758 год, который кажется ему вечностию. Приближается Июнь месяц. Галлей не помнит самого себя, ничего не видит, ничего не слышит. Напрасно жена напоминает ему о ежедневных нуждах, — он ничего не чувствует. Подождем кометы, отвечает он на все вопросы, на все требования, и, почти неприимая пищи, питья, не сходит со двора, не понимает сам, что делает, говорит; смотрит, смотрит не отводя глаз, на дальнее небо, в безпамятстве сдувает мимолетящая облака, отмахивает, раздвигает руками тучи, опасаясь, чтоб оне не зазастили кометы в минуту ея появления. Остается уж одна неде-

ля. Но чем более приближается назначенная секунда, тем нетерпение Галлея увеличивается. Вне себя от разных чувствований, он переселяется совсем на башню, где была устроена его обсерватория, и убирает ее, как жрец убирает храм, готовясь к священнодействию. Вот и 18-ое число.

Ученики по его приказанию приглашают на обсерваторию всех городских начальников, Профессоров, даже врагов, которые все должны быть свидетелями его славы. Музыка, нанятая на последний день, должна грянуть в соседней комнате хвалебный гимн в честь великого открытия. Но вот уже смерклось. Собрались все гости. Галлей торжествует. Небо, покрытое до сих пор тучами, прояснилось, как будто в угождение своему достойному любимцу. Лице Галлея блещет радостью, глаза его сверкают, сердце бьется, он весь дрожит. Пробыло 10 часов. Он раздает присутствующим телескопы, трубы, стекла, часы, и сам садится царем на первое место. Все умолкли, и благоговейная тишина распространилась по башне. Все устремляют взор на указанную точку, где комета должна взойти на горизонт, напрягают свое зрение, а Галлей — в царстве небесном... Наконец наступает вожденная минута... осталось только пять секунд, четыре... две... одна....

Боже мой! кометы нет. Галлей побледнел. Глухой шепот слышится в комнате... однакож никто не встал с своего места, дожидаются. Проходит еще несколько минут. Комета не является. Колена у Галлея подогнулись. Он не верит собственным глазам и оборачивает отяжелевшую голову к посетителям, как будто надеясь услышать от них радостную весть, вопреки своему чувству, — и встречается с язвительными улыбками, пожатыми плечами, и видит, как шипящие змеи во тме подняли на него свои жала. «Да что ж, ты брат, скоро ли покажешь нам свою комету?» закричал старой Лорд — Мер города. — Галлей не может выговорить ни одного слова. «Эхма! растревожил ты нас даром. Дурак и я, что тебе поверил. Ну где нам братец с тобою звезды хватать! Пойдемте, господа, домой.» И все зрители, как будто ожидая условного знака, зашумели с досадою и негодованием. Враги возвысили голос, и в разходившейся толпе послышались разные оскорбительныя прозвища шарлатана, обманщика, хвастуна.

На обсерватории остался один Галлей, как будто пораженный громовым ударом, в кругу изумленных учеников своих. Долго озирался он вокруг; вся внутренность его пылала; судороги пробегали по телу. Он начал было что-то говорить, но из уст

его вырывались только несвязные звуки, и после немногих тщетных усилий упал он в обморок. Ученики взяли его на руки и отнесли домой.

Но что сделалось с ним на другой день, когда он пришел в себя, и со всех сторон начал получать известия о слухах, разнесшихся по городу, — как одни враги его утверждали, что он хотел поколебать веру своим пророчеством; как другие уверяли, что он пользовался до сих пор незаслуженною, чужею славою, и не имеет никакого понятия об Астрономии; как третьи во всей его жизни находили доказательства самых отвратительных пороков! Словом — посредственность торжествовала над великим человеком, и легкомысленная толпа, имея пред глазами ясное по видимому доказательство, верила самым нелепым выдумкам. Но что почувствовал Галлей тогда, как мнимые друзья его, которым всегда было тяжело признавать его достоинство, которые, видя его безпрестанно пред собою, ни как не могли понять, чтоб он мог сотворить что либо важное, превосходное, без сравнения с их мелкими, опытами, пришли к нему, внутренно веселые и довольные, с поздними советами и изъявлениями своего притворного участия и сожаления. «Зачем ты торопился так?» говорили одни. «Зачем не дал ты нам просмотреть своих

исчислений?» упрекали другие. «Не надобно было объявлять так смело и торжественно о своем открытии,» разсуждали третьи; — и всякое их слово вонзалось ядовитой стрелою в сердце Галлея. Какой ад пылал в его внутренности! Какие мучения он чувствовал во всяком составе своем! Нет! их нельзя выразить никакими словами. Их могут только понимать, об них могут только судить истинные ученые по тем горестным минутам, которые каждому из них верно испытать случалось, когда самая пылкая мечта его не сбывалась, когда он должен был расставаться с самыми любимыми мыслями, когда нужда свинцовой рукой низвергала его в прах с высоты божественных помыслов.

Галлей заперся в своей комнате и не стал принимать ни кого. Мрачный, безмолвный, сидел он над своими тетрадями, целыя сутки складывал, вычитал, поверял свои исчисления. Нет — исчисления были верны: ни в одной мелкой дробе, ни в одной секунде, ни где не находилось никакой ошибки. Напрасно с глубочайшим вниманием осматривал он всякую букву, всякой знак, надеясь как нибудь найти себе объяснение. Нет — все было правильно. Комета должна была явиться, — но она не явилась, — и он неистовый, без памяти, обвиняя небо в вероломстве, вскакивал из за стола,

выбегал на улицу, устремлялся взорами, в горизонт: но горизонт был покрыт тучами, нигде не видать там было ответа, и Галлей, тихими шагами, ослабелый, опять возвращался домой к своим поверкам. Проклятые цифры с непоколебимою твердостью повторяли прежние заключения, и несчастный терял терпение, рвал на себе волосы, и в мучительном раздоре с собою падал без чувств к подножию своего телескопа.

Так прожил он полгода. Все стало ему противно, особенно Астрономия, которой имя тяжело было слышать ему. На небо же он не мог и смотреть. Молча, с потупленными взорами ходил он по комнате, пока усталость заставляла его останавливаться, и сон смыкал утомленные его вежды. Враги воспользовались его болезнью и лишили его места. Заимодавцы описали его имение. Книги и инструменты его были проданы с публичного торга. Галлей ни чего уже не чувствовал, и был в каком-то забытьи до самого дня своей кончины, которая к счастью последовала вскоре.

Его похоронили на чужой счет, и за гробом его шли только несколько верных учеников и печальная вдова, которая не столько жалела о нем, сколько роптала на него за то, что он оставил на ее руках многочисленное семейство без пропитания. Журна-

листы сообщили публике краткую его биографию, в которой голосом верховных судей похвала его за некоторые услуги Астрономии, осудили за неумеренное самолюбие, взвесили на кривых весах его дарования, очень, по их мнению, обыкновенные, и заключили заказную статейку приличным стихом из древняго Латинскаго Автора.

II.

Несбывшееся предсказание живо тронуло Джемса, одного из любимых учеников Галлея. Этот молодой человек, пылкий и острый, несколько лет слушал его лекции, был посвящен во все его таинства, и имел неограниченную доверенность к его познаниям и гению. Само небо, по его мнению, могло ошибиться скорее, нежели его учитель. Долго спорил он, в продолжение болезни Галлея, с его противниками; наконец, увидя, что очевидности опровергнуть нельзя, он опомнился и решился искать других средств, чтоб доказать справедливость слов Галлеевых.

Между тем великий Астроном скончался. В пылу священной горести, бросая последнюю горсть земли на его могилу, Джемс поклялся посвятить всю свою жизнь

Астрономии и возстановить его славу; он поклялся вызвать на горизонт запоздалую комету из дальних пространств небесных, и вытребовать у нея отчет, пред лицом всего ученаго мира, почему она не явилась к сроку, назначенному его учителем.

В тот же вечер Джемс отправился к несчастной вдове и выпросил у нея все бумаги покойнаго, которыми с горя она хотела было растапливать печку. — С каким горестным чувством он начал разсматривать драгоценные останки великаго мужа. Какая глубокия мысли! Какие обширные виды! Вся жизнь Галлея, чистая, благородная, высокая, представилась взорам благоговейнаго. ученика. Он узнал все его благия желания, все его святые надежды. В каждой строке виден был гений, обнижавший науку во всем ея пространстве, проходивший все ея усовершенствования. — И невежды осмеливались судить об его сочинениях, они, которых умерщвляет буква, которых никогда не животворил дух, которые не могут даже и подняться на ту высоту, с которой только что виден Галлей! — И он умер уничиженный, поруганный, разтерзанный...

Наконец Джемс дошел до разсуждения о кометах, бывшаго для Галлея источником сладчайших удовольствий и жесточайших горестей. Оно было уж переписано, и

только в заключении оставалось белое место, где должно было вписать известие о явлении последней кометы, неявишейся. Джемс углубился в это сочинение. Несколькими месяцами сряду, днём и ночью, он изучал его во всех частях, до малейших подробностей. Все мысли его были здесь сосредоточены, внимание напряжено до высшей степени. Таким же образом он прошёл сочинения прочих великих учителей Астрономии: Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона, — но нигде не видал желанного успеха; он лишь только удостоверился более и более в истине положений Галлеевых, и удивлялся его проницательности, остроумно, глубокомыслию. В душе его собиралась почти такая же гроза, какая погубила Галлея, и он готов уже был предаться отчаянию, как вдруг однажды в сумерки, когда сидел он унылый под окном, мелькнуло у него в голове вопрос: нет ли каких причин, которые имели бы влияние на кометы, и могли замедлить их движение? Далее и далее, с трепещущим сердцем он начал вдумываться во все посторонние обстоятельства, и благоприятные намеки начали собираться пред ним отовсюду, ответ развивался постепенно, и он закричал: Юпитер и Сатурн своим тяготением могли задержать Галлееву комету. Он соскочил с своего стула, принялся за новые исчисле-

ния, и в ту же ночь догадка его подтвердилась, так, что он оканчивал их, почти уверенный в успехе своем. — В самом деле, после кратковременной работы, к неописанной радости, он нашел, что путь кометы непременно должен был продлиться на 618 дней. Джемс тотчас написал письмо к Клеро, Французскому Астроному, с которым Галлей был еще в переписке, и вскоре получил от него ответ, что он сам сделал тоже предположение, и дошел до тех же заключений. Восторг Джемса был вне всяких пределов. Он сочинил программу, в которой объявил торжественно, что все исчисления великаго Галлея верны, и что его комета, задержанная посторонними обстоятельствами, не входившими в круг его исследований, должна явиться непременно 1759 года, Марта 12, в 1 час и 33 минуты по полуночи. Все смеялись хвастливому объявлению Джемса, который давно уже слыл за сумасшедшего в городе. Однакож в назначенное время все собрались на обсерваторию, одни из любопытства, другие желая позабавиться над молодым человеком, третьи, чтоб бросить еще несколько камней в память Галлея. — Посетители не заботились ни мало о явлении, — так мало они надеялись увидеть оное: одни разсматривали инструменты, другие смотрели в трубы по сторонам, третьи разговаривали

между собою, смеялись, шутили, перешептывались....

« Вот она! вот она!» громким голосом вдруг воскликнул Джемс. — «Да здравствует имя Галлея! Смотрите, смотрите!»

И изумленное собрание обращает свои взоры на восток. Там, между змием и лирою, тихо и величественно, поднималась над горизонтом лучезарная комета Галлея, и блестящими чертами напечатлежала на синем небе вечное свидетельство его слов. Все посетители были вне себя от удивления, и безмолвные любовались великолепным зрелищем, как мало по малу целая четверть горизонта покрылась огромным хвостом и белый свет распространился по всему небу....

Но что было с Джемсом? В восторге он плакал, прыгал, смеялся, целовался. Музыка гремела, и имя бессмертного Галлея переносилось из уст в уста. Слава его, как Феникс, вылетела из пепла, оживленная, разцветшая, и опозоренные враги не смели произнести ни одного слова. Торжествующие ученики в ту же минуту начали роскошный пир, и первыми тостами по предложению Джемса были: Вечная память и слава Галлею! Стыд и срам его противникам! Да здравствует дарование! Да будет проклята зависть и недоброжелательство!

Но первые минуты восторга прошли,

и лице Джемса осенилось печалию. «Друзья,» сказал прискорбный, «зачем его нет с нами!» И глаза всех учеников наполнились слезами, и они вспомнили, в каких мучениях скончался их великий учитель, как дорого досталась ему эта поздняя слава. Они бросились друг другу в объятия, и несколько минут продолжалось их умиленное молчание. — «Полно, полно, друзья,» воскликнул наконец Джемс, как будто вдохновенный. «Смотрите — наш учитель с высоты своего неба вещает нам заветное слово: наука выше всего! Все за нее! Вы слышите.... Пусть зависть, посредственность, невежество.... Но Бог с ними! Прощенье всем, друзья! Берите же бокалы! Да здравствует наука! Да процветает наш Университет!

Погодин.

Издатель получил сию статью при следующей записке: «Прочитав в статье Г. Перевощикова (Молва. 1832. No. 11), что комета не явилась в 1758 году по предсказанию Галлея, я живо представил себе мучительное положение Астронома, и написал эту *фантазию*. По справке оказалось, что в ней много неправды, и потому мое оправдание только в пословице: *Se pop e vero, etc.* если читатели удостоят меня оною.» М. П.

ПРИМЕЧАНИЯ

Комета 1832 года

Впервые как отдельное изд.: Комета 1832 года: Отрывок из неизданного романа, основанного на астрономических наблюдениях Иваном Гурьяновым. М., в тип. Лазаревых Института Восточных Языков, 1832. Переиздается впервые.

Иван Гаврилович Гурьянов (1791 – не ранее 1854) – литератор, переводчик. Родился в семье капитана Оренбургского гарнизона, с 4-х лет воспитывался отчимом, колл. ассессором Г. Гурьяновым, служившим в Оренбурге, Уфе, Казани. В 1807 поступил на военную службу, неоднократно отличался в сражениях во время войны 1812 г., за полгода дослужился до штабс-капитана и после ранения в ногу стал инвалидом. В 1814 после потери значительной суммы рекрутских денег провел 14 месяцев в тюрьме, обязался покрыть потерю за счет продажи имения и дома в Казани. В связи с пожаром в Казани и гибелью дома продажа имения затянулась; комиссия военного суда, усомнившись в намерениях Гурьянова и существовании имения, приговорила его к смертной казни. Однако во время прохождения приговора по инстанциям Гурьянов успел продать имение и покрыть недостачу; затем (в 1818 г.) он был разжалован с лишением дворянства, чинов и ордена, переведен рядовым в Тульский пех. полк. В 1821 г. был произведен в унтер-офицеры. В 1824-5 – домашний учитель у своего дивизионного командира бар. Розена. Начал публиковаться в 1826 г., в том же году вышел в отставку. Сочинял учебные пособия, игры для детей, путеводители, патриотические книжки, составлял компиляции, песенники, исторические работы, переводил с франц. и нем. С начала 1830-х гг. писал также романы и повести, подражая Ф. Бул-

гарину: «Илья Пройдохин. Открытая тайна некоторых, или Горе от ума и Горе без Ума» (1831); «Марина Мнишпех, княжна Сандомирская» (1831), «Новый Выжигин на Макарьевской ярмарке» (1831) и т.д. В числе прочего обработал лубочный пересказ «Приключений барона Мюнхгаузена» Р. Распе, выполненный Н. Осиповым, выпустив его под загл. «Не любо – не слушай, лгать не мешай, или Чудная и любопытная жизнь Пустомелева, помещика Хвастуновской округи, села Вралихи, лежащего при реке Лживке» (1833). Сочинения и переводы Гурьянова были в осн. рассчитаны на мелких чиновников, купцов, мещан, провинциальное дворянство; некоторые выходили анонимно. В 1840-х гг. Гурьянов жил в Ельне, где давал уроки; в 1846 г. ему было разрешено поступить на гражданскую службу.

Как и следующая ниже «Галлеева комета» Погодина, текст был навеян заранее вычисленным появлением кометы Биэлы 3D/Biela в 1832 г. Расчет орбиты кометы показал, что она пересекается с орбитой Земли; это вызвало всевозможные страхи и толки о конце света – несмотря на опровержения астрономов и тот факт, что Земля должна была оказаться в точке «встречи» на месяц позже кометы. В 1846 г. было установлено, что комета распалась на две или большее количество частей; после 1852 г. комета Биэлы не наблюдалась. Предполагается, что ее фрагменты выпадали на Землю с 1872 г. в виде метеорного дождя, известного как Андромениды (Бизелиды) и позднее исчезнувшего.

Галлеева комета

Впервые: *Комета Белы: Альманах на 1833 год*. СПб., в тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833.

Михаил Петрович Погодин (1800-1875) – историк, публицист, журналист, беллетрист, издатель. Родился в семье кре-

постного (домоправителя гр. Салтыкова), получившего вольную в 1806 г. До 10-летнего возраста обучался дома, с 1810 по 1814 г. воспитывался у московского типографа А. Решетникова, в 1814-1818 учился в Московской губернской гимназии, в 1818-1821 – в Московском университете. По окончании университета преподавал в университетском пансионе, давал частные уроки. В 1824 г. напечатал магистерскую диссертацию «О происхождении Руси» и с тех пор активно отстаивал т. наз. «норманнскую теорию». Со второй половины 1820-х гг. секретарь Обществ любителей русской словесности, издатель лит. альманаха «Уrania» (1826), автор многочисл. повестей (собраны в сб. «Повести», 1832), рецензент журн. «Телескоп», издатель журн. «Московский вестник» (1827-1830). В 1841-1956 гг. совместно с С. Шевыревым издавал и редактировал журн. «Москвитянин», с 1837 г. редактировал «Русский исторический сборник». С 1835 г. – ординарный профессор на кафедре российской истории Московского университета. В 1840-х годах увлекся славянофильством, отстаивал «самобытность» России и ее принципиальное отличие от Запада; от этих взглядов несколько отошел лишь в 1860-х гг. Среди книг Погодина – семитомные «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (1846-1857), трехтомник «Древняя русская история до монгольского ига» (1871-1872) и др. Как историк, ввел в научный оборот ряд важных исторических источников и памятников русской словесности. Состоял членом многочисл. ученых обществ, собрал значительную коллекцию древностей, приобретенную в 1852 г. для государства.

Новелла Погодина является, как и признавал сам автор, полнейшей фантазией, никак не соответствующей реальным обстоятельствам жизни Э. Галлея (1656-1742) и возвращения кометы, позднее названной его именем. Знаменитый ученый с 1720 г. и вплоть до смерти оставался королевским астрономом; он не дождался точно предсказанного им возвращения кометы в 1758 г. (обнаружена в декабре 1758 г. немецким астрономом-любителем И. Паличем). Из-за вызванных притяже-

нием Юпитера и Сатурна возмущений комета Галлея действительно прошла через перигелий с задержкой на 618 дней, 13 марта 1759 г.

С. 45. *Se non...* – Цитируется итальянская поговорка: «*Se non è vero, è ben trovato*» («Если это и неправда, то хорошо придумано»).

Тексты публикуются по первоизданиям без изменений, за исключением замены упраздненных ъ, і и ѣ.

М. Ф.

Оглавление

<i>И. Гурьянов.</i> Комета 1832 года	5
<i>М. Погодин.</i> Галлеева комета	28
П р и м е ч а н и я	46

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.